

Е.А. Шмелева (Москва, Россия)

Между классикой и массовой литературой (роман М.В. Авдеева «Подводный камень»)

Аннотация: На показательном примере романа М.В. Авдеева «Подводный камень» (1860) уясняются характерные черты беллетристики: ее тяготение к актуальности проблематики, иллюстративность изображения, рационализм, очевидный даже при гладкости и выразительности слога. К анализу подключены как исследования по аксиологии литературы, так и современная Авдееву критика.

Ключевые слова: М.В. Авдеев, беллетристика, характер, тип персонажа, заимствование, читатель

E.A. Shmeleva (Moscow, Russia)

Between Classics and Mass Literature (Mikhail Avdeev's Novel "The Underwater Stone")

Abstract: The author discusses the fiction features: urgent problems, illustrative images, rationalism obvious even in smooth and expressive style. Mikhail Avdeev's novel "The Underwater Stone" ("Podvodny Kamen") is the significant example of such literature.

Key words: Mikhail Avdeev, fiction, character, type of personage, borrowing, reader

Литературные произведения различаются по художественной ценности, что отражает аксиологическая шкала: *классика; беллетристика; массовая (низовая, тривиальная) литература* (см.: [8; 12] и др.). Под термином «беллетристика» понимается огромный массив произведений, находящихся между классикой и низовой литературой. Нередко эстетический статус произведения адекватно определяется спустя продолжительное время после его создания. Так, «для читателей второй половины XIX века Марлинский – явный беллетрист, писатель второстепенный, стоящий на грани пошлости. Но читатели 30-х годов того же столетия в подавляющем большинстве считали его крупнейшим русским писателем, ставили выше Пушкина, да и сам Пушкин признавал его первостепенное значение» [12: 36–38].

Под беллетристикой в современном литературоведении понимается «средний» литературный ряд. Авторы нередко идут по стопам признанных авторитетов, однако, в отличие от классики, «обладающей поистине неисчерпаемым потенциалом восприятия», создают произведения, которые «в той или иной степени грешат

заданностью мысли, иллюстративностью, схематизмом изображения (при возможном избытии подробностей, даже натурализме), что, безусловно, облегчает труд их толкования» [25: 591]. Но, конечно, беллетристика неоднородна. Ведь и первые пробы пера будущих классиков нередко далеки от совершенства. Не все начинали так, как Л.Н. Толстой или Ф.М. Достоевский.

М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что «каждая школа имеет и своего мастера, и своих подмастерьев и чернорабочих, но критика, конечно, была бы неправа, если б одних мастеров признавала подлежащими ее суду, а писателей, идущих по их стопам, оставляла в забвении. Во-первых, это было бы несправедливо, потому что второстепенность отнюдь еще не равняется отсутствию таланта, а означает только недостаток почина, а во-вторых, пренебрежение к подражателям может сделать ущерб самому критическому исследованию в том отношении, что оставит без разъяснения те характерные стороны школы, для изучения которых подражатели почти всегда представляют материал гораздо более разнообразный и яркий, нежели сами образцы» [17, 9: 344]. Являясь литературой преимущественно подражательной, беллетристика, составляющая основной массив текущей литературы, в целом отражает темы и проблемы, волнующие общество в *данный* момент: как правило, она сосредоточена на «злобе дня». Поэтому для воссоздания истории культурной и общественной жизни ушедших эпох она представляет, как считал Салтыков-Щедрин, «достоверный документ, на основании которого всего легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования» [17, 5: 455]. Во всяком случае, современное литературоведение менее сурово по отношению к писателям «второго ряда», чем Н. Буало, повторивший вслед за Горацием:

Тем, кто умеет печь, иль строить дом, иль шить,
Не обязательно на первом месте быть,
И лишь в поэзии – мы к этому и клоним –
Посредственность всегда бездарности синоним [6: 97].

Историку же литературы «посредственные» сочинения, живо обсуждавшиеся в обществе при своем появлении, а впоследствии забытые, позволяют воссоздать круг интересов и ожиданий читателей изучаемой эпохи. Роман М.В. Авдеева «Подводный камень» (1860) – одно из таких произведений.

Михаил Васильевич Авдеев (1821–1876) – прозаик, драматург, публицист, популярный в 1850–1860-е гг. Откликаясь на его ранние произведения, из которых особую известность получили опубликованные в «Современнике» повести «Варенька» (1849), «Записки Тамарина» (1850), «Иванов» (1851), составившие роман «Тамарин» (1852), Н.Г. Чернышевский оценил их двойственно. Он отметил искусство рассказа: повести Авдеева «не оставались неразрезанными в книжках журнала: это много значит», автор – «хороший, очень хороший рассказчик». Но тут же критик выразил сомнение, может ли найтись в его произведениях «что-нибудь хорошего, кроме того, что рассказаны они хорошо» [26: 25]. Не удовлетворяло Чернышевского прежде всего то, что в романе «нет свежести, он сшит из поношенных лоскутков», его повести «не приходится по мерке нашего века, готового примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатком содержания, с отсутствием мысли» [там же].

«Поношенные лоскутки», иначе говоря, *вторичность* творчества, т. е. отсутствие новых идей, при известной живости, мастерстве изображения, – вот то сочетание, которое обрекает писателя на статус *беллетриста*. В романе Авдеева – вариации тем и идей, уже известных в литературе, чего автор и не скрывает: ведь

«Тамарин» – это спор с М.Ю. Лермонтовым, а более поздний роман «Меж двух огней» (1868) – подражание И.С. Тургеневу. Сам Тургенев в письме к П.В. Анненкову (от 21 февраля 1868 г.) отозвался о последнем романе так: «Читал я роман Авдеева в “Современном обозрении”. Плохо, очень плохо! Может быть, он тем неприятнее на меня подействовал, что я не могу не признать в нем некоторое подражание моей манере, и слабые стороны моей манеры тем сильнее бьют мне в нос. Мне кажется, заставь кто меня много читать произведения Авдеева, я непременно и с отвращением брошу собственное перо. Ох, эта литература, которая пахнет литературой! Главное достоинство Толстого состоит именно в том, что его вещи жизнью пахнут» [24: 133]. На подражание Авдеева Тургеневу указал также Салтыков-Щедрин: «Ей [публике] кажется, например, что г. Авдеев совсем не г. Авдеев, а просто псевдоним Тургенева, под которым последний издает свои произведения поплотнее, но отчего же не почитать ей и плохих произведений Тургенева?» [17, 9: 345].

Восприимчивый к изменениям в общественной жизни, Авдеев внимательно следил за отражением их в литературе. В Предисловии к «Тамарину» (1853) он писал, что его основная задача – «проследить дальнейшее развитие типа героев своего времени». По мнению писателя, критики «уже свели Печорина с пьедестала, на который поставил его автор» [3: 4]. Цель Авдеева – снять пелену туманности и загадочности, в которую Лермонтов облек Печорина, открыть глаза публике, в особенности женской, для которой этот персонаж превратился в романтический идеал, в то время как он представляет собой «собрание всех пороков» [3: 5]. Авдеев отмечал, что для публики и часто для критики «Тамарин» – всего лишь подражание «Герою нашего времени»: «Варенька» напоминает «Княжну Мери», «Записки Тамарина» – «Журнал Печорина». Наиболее самостоятельной он считал повесть «Иванов», где предложен «новый финал жизни» Печорина (якобы возрожденного в Тамарине). Однако критикой Тамарин не был принят как развитие типа Печорина, она увидела в Тамарине лишь пародию на героя Лермонтова (см.: [9: 16–22]).

Итак, важнейшей чертой творчества Авдеева была способность живо откликаться на острые вопросы современности. А.М. Скабичевский писал об Авдееве: «Он брал либеральной гуманностью чувств и симпатий и ловким умением попадать в самый фарватер общественного течения» [20: 205]. Сам выбор темы Авдеев «делал не самостоятельно, а как бы пристраиваясь к остросовременной идее, уже выведенной другими писателями на литературную арену. Он обладал “даром” чувствовать литературную моду и следовать ей» [6: 5].

В 1860-е гг. Авдеев не мог обойти стороной актуальный вопрос о женской эмансипации, ведь, по словам П.Н. Ткачева, «никогда о женщинах не говорили так много, никогда права их не заявлялись с такой энергией и настойчивостью» [23: 70], как в это время. Право замужней женщины на свободную любовь – главная тема романа Авдеева «Подводный камень» (1860). Заглавие символично: страсть – это тот подводный камень, который способен разбить лодку благополучной, на первый взгляд, семейной жизни, это «один из тех подводных камней, о которые разбивается счастье, имеющее за себя, по-видимому, все данные». Так писал Авдеев в Предисловии к этому роману, датированном июлем 1861 г. (опубликовано при отдельном издании книги в 1863 г.).

Салтыков-Щедрин, отзываясь на комедию Авдеева «Мещанская семья» (1869), иронически отметил постоянный интерес Авдеева к женскому вопросу, как и «чуткость, с которой он постоянно относится к произведениям других своих соотечественников по ремеслу» (17, 9: 315), в особенности при разработке сходной темы.

Сатирик как бы пригласил рассмотреть «Подводный камень» в литературном контексте, неизменно и несомненно питающем творчество Авдеева.

Роман дружно читали, обсуждали, критиковали: за недостаток жизнеподобия, за неестественность поведения персонажей. «Мы нисколько не намерены находить непозволительными действия Наташи, Соковлиных, Комлевых; мы говорим только, что эти действия вытекают из мелкого источника, что они далеки от истинной глубины человеческих чувств», – считал М.П. Погодин [14: 45]. Н.Н. Страхов позднее, но в том же ключе писал о «Подводном камне», а также о повести «Магдалина» и романе «Меж двух огней» Авдеева: «Любовь не имеет в его рассказах никакой прелести и скорее способна внушить отвращение. Это не любовь в настоящем смысле, а простое, вялое, холодное сластолюбие, из-за которого не стоит ни страдать, ни жертвовать. Безжизненность – такова самая основная черта произведений Авдеева» [21: 119].

Сам Авдеев в Предисловии к роману объяснял свою позицию: «Я не имел намерения рисовать идеалы и выставлять образцы добродетелей, достойные героических времен и детских повестей. Я не желал также ни поучать, ни развращать. Я хотел проследить развитие страсти в среде, всего менее способной подчиняться ее произволу, в обстановке, лишаящей ее всех внешних поддержек и оправданий: словом, самое естественное и нормальное развитие страсти. Я выбрал для этого самое простое из самых простых положений: и муж хороший человек, и жена хорошая женщина, и любовник не дурной человек; страсть не имеет оправдания ни в ошибочном выборе, ни в недостатках мужа, ни в порочном развитии женщины, или особенно благоприятных обстоятельствах: страсть пришла потому, что она присуща человеку, и развилась отчасти вопреки логической последовательности, потому что она страсть» (2: 2–3).

В отличие от романа Авдеева, его предшественники, писавшие на сходную тему (а имя им – легион), обычно наделяли участников любовного треугольника *разными характерами*. Из произведений XIX в. наиболее близка к «Подводному камню» по своему сюжету повесть «Полинька Сакс» А.В. Дружинина, в свою очередь напоминающая о романе Ж. Санд «Жак», что не преминули сразу же отметить критики.

А.Ф. Писемский иронически писал: «Роман Авдеева состоит из двух частей и имеет то удобство, что рассказывается двумя словами. Эти два слова – “Полинька Сакс”» [13: 45]. Действительно, за основу сюжета своего романа Авдеев взял повесть Дружинина, с которой, несомненно, был знаком. «Полинька Сакс» (1847) – дебют Дружинина как писателя в журнале «Современник», высоко оцененный публикой и критиками, в том числе В.Г. Белинским. В свою очередь, основная идея этой повести была навеяна Дружинину романом Жорж Санд «Жак» (1834), который не единожды упоминается в повести (Константин Сакс дает своей молодой жене этот роман для прочтения в целях воспитания).

О преломлении мотивов «Жака» во многих произведениях русской литературы подробно пишет Е.Е. Пономарева [14: 69–78]. Помимо произведений Дружинина и Авдеева, исследовательница привлекла к сопоставительному анализу ряд повестей: «Долг» (1850) и «Заколдованный круг» (1854) Евг. Тур, «Неудавшуюся жизнь» Е.А. Лодыженской (1857), «Саламандру» А.Я. Марченко и др. Исследовательница, правда, не пишет, читал ли Авдеев данные произведения. Но очевидно, что тема «носилась в воздухе».

Романом «Жак» завершается период «романтического бунта» Ж. Санд против господствующей морали. Здесь жесткой критике подвергается институт брака как узаконенное порабощение женщины, как легальная деспотия. Главный герой романа Жак воплощает нравственные идеалы Ж. Санд, это *тип праведника*, человек чести, ему чужды компромиссы с совестью, и он очень требователен к себе. Его любовь к Фернанде безгранична.

«Как прелестно начало любви Жака и Фернанды! Как свежо переданы все ее первые чувства и ощущения! И тем трагичнее действует рассказ о том, как эти счастливые, по-видимому, люди начинают все более и более отдаляться, все сильнее чувствуют свою “разность”», – писал В. Каренин [10: 601]. Мечтам Жака о счастье с женой не суждено сбыться: она полюбила другого. В отличие от Жака, «Фернанда и ее возлюбленный Октав – люди не порочные, но заурядные, духовно нестойкие, лишённые душевной чуткости...» [15: 582]. Жак же сводит счеты с жизнью, чтобы не мешать счастью Фернанды.

Дружинин в «Полиньке Сакс» также выводит на авансцену *праведника*. Константин Сакс, как и Жак, – человек чести и долга, безмерно любящий свою жену. Однако Полинька, недавно покинувшая пансион, по поведению и образу мыслей еще совсем ребенок (что импонирует Саксу, он мечтает сам вырастить из нее рассудительную женщину). Она не способна разобраться в своих чувствах, не понимает мужа и самое себя. Как и Фернанда, она влюбляется в своего соблазнителя, ей кажется, что она не может жить без князя Галицкого, а муж становится ей неприятен и даже пугает ее. Однако Сакс не мстит и не совершает самоубийства, как Жак. Он отдает свою жену другому, освобождая ее от всех обязательств и обещая следить за тем, чтобы она не проронила ни единой слезы с новым мужем. В результате Полинька, оценив благородство Сакса, «превращается в духовно зрелого человека, тогда как Галицкий по сравнению с ней остается духовно таким же неразвитым, какой она была когда-то по сравнению с Саксом» [5: 141].

«Жак», «Полинька Сакс» и, вероятно, ряд других, менее известных произведений на сходный сюжет легли в основу «Подводного камня» Авдеева. Общий мотив свободы в любви, сходная расстановка персонажей, сюжетная схема и, наконец, главные герои – представители *типа праведника* – все это объединяет названные произведения.

Но перейдем к «Подводному камню». Главный герой романа, Соковлин, зрелый мужчина, женится на молодой девушке Наташе, Наталиньке, как ласково называет ее мать (что схоже по звучанию с именем Полинька). Спустя несколько лет в мирную жизнь Соковлиных, у которых уже родился сын, врывается некогда влюбленный в Наташу Комлев, друг ее юности. Между молодыми людьми разгорается страсть, и Наташа, как и Полинька, страдает из-за возникшего чувства.

Критики отдавали дань выразительному стилю Авдеева, его манере повествования в «Подводном камне». Так, М.П. Погодин отметил «великолепные и точные описания природы», «метко схваченные психологические черты» и «несравненные сравнения» [13: 601]. «Подводный камень» написан без прямых заимствований из текстов-предшественников. А.Ф. Писемский писал, что «роман свой г. Авдеев рассказал своими собственными словами, не позаимствовавшись ни у кого ни одною фразой, и рассказал притом словами столь отборными, какими по преимуществу рассказываются только умные вещи» [12: 1–2].

Однако содержанием романа критики не были удовлетворены. Погодин заключал: «Чем тщательнее лепит г. Авдеев свою мозаику, чем правильнее располагает

свои узоры, тем сильнее они действуют на читателей и тем труднее критику определять и выражать черты искусственности, которою отличается весь роман» [13: 45]. Критик называет Авдеева одним из «самых искусных подражателей». И если «у художника идея воплощается в сюжете, лица создаются живые, так что они не могут действовать иначе, как действуют в романе», то «у подражателя идея выставляется наголо и лица действуют как на пружинах, так именно, как угодно автору ради его идеи» [там же].

Но знакомый сюжет имеет неожиданную развязку. Комлев, которого вновь полюбила Наталья, не собирается на ней жениться, он выступает за свободное чувство, не стесненное законными обязательствами. И Наташа не мечтает выйти замуж за Комлева. Соковлин же готов подчиниться и отдать жену «так». Он отпускает Наталью вместе с Комлевым в заграничное путешествие, обещая, что дом, который она оставляет, всегда будет ее. Через несколько месяцев Наташа понимает, что больше не любит Комлева.

В финале повести Дружинина Полинка осознает, что всегда любила своего первого мужа. Умирая, она чувствует себя счастливой: «Создатель мой! Я благодарю тебя за все: за жизнь, за любовь его, за любовь мою! Я не знаю горя и страха смерти: в минуты, страшные для всех людей, я думаю о нем...» [9: 57]. Наташа, оставив Комлева, возвращается к мужу, и тот принимает ее: «Он с любовью и доверчивостью протянул руки Наташе, и она, взглянув в честное, открытое лицо мужа, с краской стыда упала к нему на грудь...» [2: 287]. Так завершается роман Авдеева.

Критики отмечали в романе недостаточно убедительную мотивацию поступков героев. М.П. Погодин писал: «живые люди так не действуют; так могут действовать только фантомы», которые «ради принципа действуют совершенно вопреки всем своим чувствам» [14: 45]; «вся драма заключается в том, что люди говорят не то, что чувствуют, делают не то, что желают, одним словом – фальшивят на каждом шагу» [14: 36].

По складу своего дарования Авдеев, видимо, сочетал в себе рациональное, критическое начало с тягой к художественной литературе, о чем свидетельствуют уже его предисловия к романам (где он объяснял свой замысел), а также его литературно-критические работы, в особенности «Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы» (см.: [1]).

«Подводный камень» интересен как отклик на одну из самых острых проблем середины XIX в. – проблему женской эмансипации и свободы человеческого чувства. По мнению П.Д. Боборыкина [4: 136], этот роман также «отозвался» в русской литературе, а именно в пьесе известного актера и писателя И.Е. Чернышева «Испорченная жизнь», поставленной на Александринском театре [16: 33–53].

Очень спокойное решение проблемы неудачного брака, явно в назидание русским последователям Жорж Санд, предложено было Н.Г. Чернышевским в «Что делать?». «Любовный треугольник» (Лопухов – Вера Павловна – Кирсанов), конечно, осложнил жизнь персонажей, но одновременно стал «уроком» для читателей. Ведь Рахметов (а в сущности, сам автор) объяснял не только Вере Павловне, что подобные конфликты следует решать без излишнего драматизма. И в дальнейшем развитии сюжета счастливы в личной жизни и Вера Павловна с Кирсановым, и Лопухов с Катей Полозовой.

Н.Н. Страхов не без иронии назвал героев «Что делать?», относительно легко и благополучно решивших свои семейные проблемы, «счастливыми людьми». Между Лопуховым и Кирсановым разница «существует только для Веры Павловны, а

для нас с Вами, читатель, разницы нет никакой» [22: 326]. В сущности, Чернышевский, изображая отношения главных героев, демонстрирует высокие моральные нормы «новых людей», учит, как следует разрешать подобные конфликты.

А в 1877 г. завершилась публикация «Анны Карениной», в которой трагическая развязка сюжетной линии Анна – Каренин – Вронский вновь напомнила и сегодня напоминает о жестокой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев М.В.* Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. СПб., 1874. 291 с.
2. *Авдеев М.В.* Подводный камень. СПб., 1863. [4], 287 с.
3. *Авдеев М.В.* Тамарин. М., 2001. 380, [2] с.
4. *Боборыкин П.Д.* Островский и его сверстники // Слово. СПб., 1978. № 9. С. 136.
5. *Бройде А.М.* А.В. Дружинин. Копенгаген, 1986. 141 с.
6. *Буало Н.* Поэтическое искусство / Пер. А.Л. Линецкой. М.: ГИХЛ, 1957. 232 с.
7. *Врубель В.А.* Авдеев, Михаил Васильевич // Русские писатели. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. П.А. Николаева. М., 1990. С. 8–11.
8. *Гурвич И.А.* Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Российский открытый университет, 1991. 90 с.
9. *Данилова Е.А.* Роман М.В. Авдеева «Тамарин» как спор с «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Из «жизни» литературного типа // Русская словесность. 2013. № 4. С. 16–22.
10. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986. 512 с.
11. *Каренин В.* Жорж Санд, ее жизнь и произведения. [Т. 1]: 1804–1838. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. XII, 637 с.
12. *Маркович В.М.* К вопросу о разграничении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева и В.Е. Хализева. М., 1991. С. 53–66.
13. *Писемский М.П.* Подводный камень. Роман г. Авдеева // Библиотека для чтения. 1861. № 2. С. 1–2.
14. *Погодин М.П.* Подводный камень. Роман М. Авдеева // Время. 1861. № 1. Отд. 3. С. 35–45.
15. *Пономарева А.А.* Усвоение и разработка заимствованных сюжетов в беллетристике (Роман Жорж Санд «Жак» и русская повесть 1850-х гг.) // Вестник Томского университета. 2015. № 401. С. 69–78.
16. *Раскин Б.* [Комм.] // Санд Ж. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. Л., 1971. С. 35.
17. *Родевич М.В.* И.Е. Чернышев и его «Испорченная жизнь» // Русская сцена: Комедия в 5 действиях. СПб., 1864. № 3.
18. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.
19. *Санд Жорж.* Жак // Санд Жорж. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. Л., 1971. С. 43–590.
20. *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы. 1848–1903. СПб., 1903. 205 с.
21. *Страхов Н.Н.* (Рец.) // Заря. 1869. № 4. Отд. критики. С. 104–112.
22. *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890. 596 с.

23. Ткачев П.Н. Женский вопрос // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. 1. М., 1932. С. 370–402.
24. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 8. М., 1990. 413 с.
25. Чернец Л.В. Читатель // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. 5-е изд. М., 2012. С. 594–597.
26. Чернышевский Н.Г. Роман и повести М.В. Авдеева. Два тома. СПб., 1853 // Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. Т. 1. М., 1981. 704 с.

REFERENCES

1. Avdeev M.V. (1874) Our Society (1820–1870) in the Heroes and Heroines of Literature. St.-Petersburg. 291 p.
2. Avdeev M.V. (1863) The Submarine Stone. St.-Petersburg. [4], 287 p.
3. Avdeev M.V. (2001) Tamarin. Moscow. 380, [2] p.
4. Boborykin P.D. Ostrovsky and His Peers. *Slovo*. St.-Petersburg, 1978. No 9, pp. 136.
5. Broyde A.M. (1986) A.V. Druzhinin. Copenhagen. 141 p.
6. Boileau-Despréaux N. (1957) Poetic Art / Transl. by A.L. Linetskaya. Moscow. 232 p.
7. Vruble V.A. Avdeev, Mikhail Vasilyevich. In: Russian Writers. Bibliographic Dictionary: In 2 parts. Part 1 / Ed. by P.A. Nikolaev. Moscow. 1990, pp. 8–11.
8. Gurvich I.A. (1990) Belles lettres in Russian Literature of the 19th century. Moscow. 90 p.
9. Danilova E.A. Novel of M.V. Avdeev “Tamarin” as a Controversy with the “Hero of Our Time” of M.Yu. Lermontov. Of the “Life” of the Literary Type. *Russkaya Slovesnost*. 2013. No 4, pp. 16–22.
10. Druzhinin A.V. (1986) Long-Short Stories. Diary. Moscow. 512 p.
11. Karenin V. George Sand, Her life and Works. [Vol. 1]: 1804–1838. St.-Petersburg. M.M. Stasulevich Printing House. 1899. XII, 637 p.
12. Markovich V.M. On the Question of Distinguishing between the Concepts of “Classic” and “Belles lettres”. In: Classics and Contemporary / Ed. by P.A. Nikolaev and V.Ye. Khalizev. Moscow. 1991, pp. 53–66.
13. Pisemsky M.P. The Underwater Stone. Avdeev’s Novel. *Biblioteka dlya Chteniya*. 1861. No 2, pp. 1–2.
14. Pogodin M.P. The Underwater Stone. Avdeev’s Novel. *Vremya*. 1861. No 1. Section 3, pp. 35–45.
15. Ponomarev A.A. Assimilation and Development of Borrowed Plots in Belles lettres (George Sand’s Novel “Jacques” and Russian Long-Short Stories of 1850s. *Tomsk State University Journal*. 2015. No 401, pp. 69–78.
16. Raskin B. (Comment.). In: Sand George. Jacques. In: Sand George. The Collected Works: In 9 vols. Vol. 3. Leningrad. 1971, p. 35.
17. Rodevich M.V. I.Ye. Chernyshev and His Spoiled Life. *Russian Scene*. Comedy in 5 acts. St.-Petersburg. 1864. No 3.
18. Saltykov-Shchedrin M.E. The Collected Works: In 20 vols. Moscow. 1965–1977.
19. Sand George. Jacques. In: Sand George. The Collected Works: In 9 vols. Vol. 3. Leningrad. 1971.
20. Skabichevsky A.M. (1903) History of the Newest Russian Literature. 1848–1903. St.-Petersburg. 1903. 205 p.

21. Strakhov N.N. [Rev.]. *Zarya*. 1869. No 4. Section of Critique, pp. 104–112.
22. Strakhov N.N. (1890) *Of the History of Literary Nihilism. 1861–1865*. St.-Petersburg. 596 p.
23. Tkachev P.N. *Women’s Question*. In: Tkachev P.N. *Selected Essays on Socio-political Themes*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1932, pp. 370–402.
24. Turgenev I.S. *The Complete Works and Letters*: In 30 vols. *Letters*: In 18 vols. Vol. 8. Moscow. 1990. 413 p.
25. Chernets L.V. *The Reader*. In: *Introduction to Literature Studies* / Ed. by L.V. Chernets. 5th ed. Moscow. 2012, pp. 594–597.
26. Chernyshevsky N.G. *V.V. Avdeev’s Novel and Long-short Stories. Two Volumes*. St.-Pb., 1853. In: Chernyshevsky N.G. *Literary Critique*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1981. 704 p.

Сведения об авторе:

Елена Алексеевна Шмелева,
канд. филол. наук
независимый исследователь

Elena A. Shmeleva,
PhD
Independent Researcher
yelena.shmeleva@yandex.ru